

УДК 101.1:316.614 Философия
DOI: 10.18384/2310-7227-2016-1-57-65

ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОЭТИКИ МАНДЕЛЬШТАМА В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Кириллов Г.М.

*Пензенский государственный университет
440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40, Российская Федерация*

Аннотация. В данной статье автором осуществлена попытка экзистенциально-феноменологической интерпретации творчества О.Э. Мандельштама. Материалом для анализа служат его лирические произведения, статьи разных лет, в которых поэт раскрывает сущность своего новаторского подхода в отношении содержания и формы поэтического произведения, прослеживаются идейные истоки этих взглядов. Автор опирается на идеи французского мыслителя-экзистенциалиста М. Мерло-Понти, в том числе его «феноменологию говорения».

Ключевые слова: акмеизм, лингвистический жест, экзистенциальное поле, феноменальное поле, «феноменология говорения», «провиденциальный собеседник», жизненный мир.

AN ATTEMPT OF INTERPRETING MANDELSTAM'S POETICS IN EXISTENTIAL-PHENOMENOLOGICAL PERSPECTIVE

G. Kirillov

*Penza State University
40 Krasnaya Street, Penza, Penza Region, 440026, Russian Federation*

Abstract. The article presents an attempt of existential-phenomenological interpretation of Mandelstam's works. The analyzed material is Mandelstam's lyrics and articles of different life periods in which the poet reveals the essence of his innovative approach to the content and form of poetic works, the ideological sources of such views being traced. In the research the author of the article draws on the ideas of French existentialist M. Merleau-Ponty including his «phenomenology of speaking».

Key words: acmeism, linguistic gesture, existential field, phenomenal field, «phenomenology of speaking», «providential interlocutor», life-world.

Художественное произведение всегда предполагает множество интерпретаций. В особенности это касается творений классиков. Сегодня, в XXI столетии, Осипа Мандельштама называют Пушкиным Серебряного века русской поэзии. И это справедливо. По свидетельству современников, Мандельштам – недостижимый образец в изучении русского языка. Как справедливо отмечает В.А. Песоц-

кий, «язык художественной литературы во многом обусловлен особенностями самого автора, его <...> творческим потенциалом и степенью освоения им языковых возможностей» [17, с. 61]. Как писал С.А. Есенин, «большое видится на расстоянии...» [7, с. 202]. Чем дальше уходят события жизни Мандельштама, тем ближе становится поэт для нас. В творчестве О.Э. Мандельштама многие современные литературоведы склонны видеть философское содержание, которым в большой степени отличалась поэзия А.С. Пушкина. Среди серьёзных работ, посвящённых анализу творчества Мандельштама, можно отметить труды С. Марголина, Н. Струве, С. Бройда, О. Лекманова. Попытки философского осмысления поэзии Мандельштама также осуществлялись. Одно из исследований, достойных упоминания, – работа, авторами которой являются Л.Г. Кихней и Е.В. Меркель. Она называется «Осип Мандельштам. Философия слова и поэтическая семантика». В монографии представлен анализ творчества поэта преимущественно в семантическом ключе. Безусловно, заслуживает внимания рассмотрение авторами семантического поля произведений поэта при анализе философско-эстетических истоков его творчества. Продемонстрирован учёт экстралингвистических факторов, влияющих на поэтику Мандельштама, при этом обнаруживается хорошее владение терминологическим аппаратом, использованным при разборе философских и научных концепций, созвучных творчеству поэта. Тем не менее, на наш взгляд, не всегда просматривается последовательность в трактовке поэтической семанти-

ки Мандельштама. В начале работы декларируется приверженность авторов монографии формалистскому (структуралистскому) подходу в понимании природы поэтической семантики в духе определения её Ю.Н. Тыняновым, которое вряд ли может считаться универсальным по отношению ко всем периодам творчества поэта, что засвидетельствовано и самими авторами, справедливо указывающими на новаторский характер понимания Мандельштамом отношений формы и содержания применительно к «текущей целостности» произведения в поздний период его творчества (30-ые годы XX в.). Думается, что предложенный авторами монографии подход к интерпретации творчества Мандельштама не является единственно возможным в плане истолкования его философского звучания. Тем более, что применительно к творчеству Мандельштама «правомернее говорить не о единой парадигме, а о парадигмах смысла в <...> их динамике, смене и трансформациях» [19, с. 5]. Мы попытаемся рассмотреть поэтические произведения поэта с феноменологической и онтологической точек зрения. В своём исследовании мы будем опираться на творчество французского мыслителя Мерло-Понти, который заставил «заговорить» на языке философии безмолвный голос живописи.

Несколько слов об идейных истоках мировоззрения О.Э. Мандельштама. В начале своего творчества Мандельштам принадлежал к литературному течению, которое имеет двойное название: акмеизм (от греч. «акме» – вершина, остриё) и адамизм (от Адам). Акмеизм утверждал мужественный, твёрдый, ясный взгляд литературы на

действительность. Акмеисты пытались повернуть литературу к жизни, к вещам, к природе. Принадлежавший к кругу акмеистов Н.С. Гумилёв писал: «...мы немного лесные звери и во всяком случае не отдадим того, что в нас звериного, в обмен на неврастению» [6, с. 393]. Вместе с тем акмеизм – это и «тоска по мировой культуре», по меткому выражению Мандельштама. Особый интерес акмеистов вызывает разгадка тайн поэтического слова, которое они стремятся очистить от искажений их литературными предшественниками: футуристами и символистами. Этой проблеме посвящены статьи Мандельштама «Слово и Культура» и «О природе слова». В последней статье Мандельштам следующим образом отзывается об ошибках символистов. В античной культуре символ был неразрывно связан с образом вещи, был частью быта – «утварью».

В культуре Нового времени символ есть уже «образ запечатлённый», его нельзя трогать, и он неминуемо превращается в пустое «чучело». Поэт замечает: «Образы выпотрошены, как чучела, и набиты чужим содержанием» [13, т. 2, с. 161]. Для футуристов же, напротив, характерен утилитаризм, их язык подобен «телеграфному или стенографическому шифру» [13, т. 2, с. 155]. Форма здесь окончательно утратила всякое содержание. Как и акмеисты, Мерло-Понти много внимания уделяет языку – «феноменологии говорения». Подчёркивая важность общения между людьми, французский философ считает необходимым наличие в диалоге «поля присутствия», его пространственных и временных характеристик. Критикуя формализм, идейно близкий футуризму, Мерло-

Понти замечает, что главной ошибкой этого направления он считает «не то, что формализм превозносит форму, а то, что он лишает эту форму смысла» [15, с. 91]. Мерло-Понти способен вести диалог не только с современниками, но и с предшественниками. Исполненным глубокого содержания является диалог Мерло-Понти с Сезанном, Клээ, Ван Гогом. Подобно французскому философу, Мандельштам приглашает к беседе К.Н. Батюшкова, А.А. Фета, Д.В. Веневитинова. Поэт описывает свою «встречу» с человеком, «оплакавшим Тасса». Её подробности не оставляют сомнения в подлинности происходящего: «Словно гуляка с волшебною тростью,/ Батюшков нежный со мною живёт./ Он тополями шагает в замостье,/ Нюхает розу и Дафну поёт» [12, т. 1, с. 136]. Будучи художником слова, поэт обращается в стихах не только к настоящему, но и к прошлому, пытаясь «оживить» тех, кого уже давно нет среди живых. Он хочет вновь испытать первичную встречу с миром, декларируемую адмизмом. Архетип первичной встречи пытается воссоздать и Мерло-Понти, ибо именно философия оказалась способной превратить вековечное молчание в речь. Мерло-Понти пишет: «...философия является превращением молчания в речь» [13, с. 87]. Здесь напрашивается параллель с китайской притчей. Как-то Чжуан-Цзы спросили, в чём заключается истина: в слове или в молчании. Чжуан-Цзы ответил, что истинная мудрость пребывает «между словом и молчанием» [10, с. 91].

Древняя истина приобрела новое звучание спустя века в наблюдениях Мерло-Понти и Гуссерля, последний замечал: «...начало есть чистый и, так

сказать, ещё погруженный в немоту опыт, который теперь нужно ещё заставить без искажений выразить в словах свой собственный смысл» [16, с. 383]. Возможно, поэты оказываются ближе, чем кто-либо, к пониманию изначальных истоков творящего слова и точнее, чем кто-либо другой, передают в стихах этот неуловимый процесс. В черновых записях к одной из статей он делает следующее наблюдение: «Средняя деятельность между слушанием и произнесением – эта деятельность ближе всего к исполнению...» [13, т. 2, с. 242]. В стихах же Мандельштам пишет: «Да обретут мои уста/ Первоначальную немоту – / Как кристаллическую ноту,/ Что от рождения чиста» [12, т. 1, с. 16]. Анализу изначального лингвистического опыта посвящены многие из работ Мерло-Понти. Он стремится определить его собственно философские задачи и вместе с тем, вслед за Гуссерлем, пытается показать, что любая философия заключается в том, чтобы восстанавливать способность означивать, выражать опыт через опыт, освещающий специфическую сферу языка. Комментируя Мерло-Понти, И.С. Вдовина, исследователь творчества философа, отмечает, что «интервалы между словами и речами, молчание, тишина ведут нас за их пределы, запрещая нам довольствоваться непосредственно данным; они учат нас тому, чтобы мы умели погружаться в тишину после сказанного, помня, что между языком и миром не существует никакой границы. Язык – это голос самих вещей, морских волн и лесов». [3, с. 188]. Философии надлежит восстановить способность означивания, исследуя момент зарождения смысла, раскрыть

взаимную обратимость опыта и языка, понять истину до того, как она будет облечена в слова, и разглядеть в ней все возможности языка. И снова философам вторят поэты: «И море, и Гомер – всё движется любовью./ Кого же слушать мне? И вот Гомер молчит,/ И море Чёрное, витийствуя, шумит/ И с тяжким грохотом подходит к изголовью» [12, т. 1, с. 49]. В звучании леса поэт создаёт своеобразную модель времён. Время равномерно, необратимо, оно не имеет ни начала, ни конца. Время абстрагируется от событий, его заполняющих: «Звук осторожный и глухой/, сорвавшегося с древа,/ Среди немолчного напева / Глубокой тишины лесной» [там же., с. 11]. Применительно к творческой лаборатории Мандельштама тема Другого имеет особое значение. Под Другим разумеются при этом не только современники поэта, читатели и критики, но и предшественники, собратья по перу, а также «провиденциальный собеседник». Мир поэта всегда открыт прошлому и будущему. Обращение к Другому у Мандельштама является многогранным и нуждается в философском прочтении. Поэт воспринимает «чужое», как своё (стихотворение «Я не слышал рассказов Оссиана» (1919): «И не одно сокровище, быть может,/ Минюя внуков, к правнукам уйдёт;/ И снова скальд чужую песню сложит / И, как свою, её произнесёт» [там же; с. 42]. Уже упомянутые нами Меркель и Кихней видят здесь торжество «чужого слова» в бахтинском истолковании [8, с. 45]. Однако М.М. Бахтин отрицал диалогический характер поэтического дискурса, что, вероятно, справедливо в отношении лирики в классическом её понимании, но никак не относится к новаторской

манере О.Э. Мандельштама, который диалогичность своего творчества открыто декларировал. Об этом говорят уже сами названия статей поэта: «О собеседнике» (1913), «Разговор о Данте» (1933). В статье «О собеседнике» Мандельштам, вопреки мнению Бахтина, утверждает: «Нет лирики без диалога» [12, т. 2, с. 150]. Однако лирический диалог – это диалог особый. Обоих его участников, автора и читателя, отличает своеобразие, не присущее обычным людям. В своей статье Мандельштам замечает, что «обыкновенно человек, когда имеет что-нибудь сказать, идёт к людям, ищет слушателей...» [12, с. 146]. Совсем по-другому ведёт себя поэт, не случайно его порой уподобляют безумцу. Его адресаты – это не конкретные люди, которых он, наоборот, сторонится. «С кем же говорит поэт?» [там же] – задаётся вопросом теоретик акмеизма. Быть может, с Богом, но на это претендовать могут лишь гении. К таким гениям можно отнести Гераклита, обретшего дар божественного Логоса, или легендарного Орфея, но вряд ли на это вправе претендовать кто-то из современников.

Мандельштам полон желания слиться с окружающим его реальным миром, подобно тому, как это удавалось любимым им эллинам. Не случайно посредником в передаче записки из прошлого оказывается всеобъемлющий Океан. Мир, согласно тому же Гераклиту, пребывая в непрерывном изменении, вместе с тем остаётся неизменным. Землю, овеянную ветрами и согретую лучами Солнца, всё так же омывает мировой Океан, который «с тяжким грохотом» подходит к изголовью ложа, на котором, всё так же внимая ему, возлежит поэт, пытаясь

разгадать таинственный язык Вечности... Поэту удаётся передать «настроение, эмоциональный накал <...> не только словом, как фрагментом знаковой системы, но и интонационной окраской этого слова...» [с. 30]. Вторя Тютчеву, Мандельштам в своём «Silentium» закликает, чтобы его уста обрели «первоначальную немоту», и взывает к прекрасной Афродите, чтобы она «осталась пеной». Но этого, увы, не дано, и нужно идти дальше к первоначалам по пути, завещанному древними. К первоистокам бытия с неизменным упорством возвращается и философия. Мерло-Понти, который мечтал реконструировать архетип «первичной встречи», всю жизнь неустанно искал онтологические основания феномена человеческой речи. Как и в случае с Мандельштамом, смерть преждевременно оборвала эти поиски. Для Мерло-Понти особенно значительным является момент речи, когда высказываемое собеседником воспринимается Другим. Важнейшее значение имеет и открытость человека Другому. Мерло-Понти был убеждён, что на уровне выражения природные значения возникают и передаются в жесте. Посредством жеста, мимики человек, являясь живым телом, открывает для себя мир, выражает себя и своё отношение к миру, он очеловечивает мир, включает его в поле диалога. Философ подчёркивает: «Тело загадочно: это, несомненно, часть мира, но, как фрагмент этого мира, оно странным образом открыто безусловному желанию сблизиться с Другим...» [15, с. 263–264]. Осмысленный жест тела по отношению к миру, к Другому открывает огромные возможности, неизвестные ни биологии, ни физиологии.

Читаем у Мандельштама: «Дано мне тело – /Что мне делать с ним,/ Таким единым и таким моим?» [12, т. 1, с. 14].

У Гегеля в его «Философии духа» речь идёт об «абсолютном жесте человека», который состоит в вертикальном положении человека. По его словам, «только он способен на это, тогда как даже орангутанг может сохранить своё прямое положение только при помощи палки. Человек не является от природы, с самого начала своей жизни, поставленным в прямое положение, но сам выпрямляется энергией своей воли...» [4, т. 3, с. 196]. Тут остаётся только удивляться тому, насколько глубоко и прозорливо философская мысль может интерпретировать исторически ограниченный эмпирический факт. Итак, Гегель говорит о волевом усилии человека через абсолютный жест сохранять вертикальность позы. Эта поза может рассматриваться как субстанциальная основа «Я». Об этом же поэтическим языком сказано у Мандельштама: «Люблю появление ткани,/ Когда после двух или трёх,/ А то четырёх задыханий/ Придёт выпрямительный вздох» [12, т. 1, с. 146].

Как же происходит процесс взаимодействия поэта как носителя культуры, её смыслов с Миром, как микрокосмом, и жизненным миром Другого как провиденциального собеседника, способного это смысл постигнуть? Некоторые ответы на эти вопросы даёт статья Мандельштама «Разговор о Данте» и итоговая работа Мерло-Понти «Видимое невидимое». Мерло-Понти в ней даёт набросок новой онтологии, которую можно назвать антропологической, человекосоразмерной. Вот что он пишет: «С точки зрения как сущности, так и факта нужно всего лишь

поместить себя в бытие, с которым мы имеем дело, вместо того чтобы рассматривать его извне, или, скорее, что ведёт туда же, необходимо снова поместить само бытие в ткань нашей жизни...» [15, с. 172]. Именно так осваивал бытие, делая «интимное всемирным» и Мандельштам. Его поводом на этом тернистом пути стал сам Данте. В своей статье, посвящённой творчеству Данте, Мандельштам выстраивает «концепцию произведения как силового потока, пронизанного единым «дифференцирующим порывом». Обращает на себя внимание высочайшая оценка творчества Данте, данная Мандельштамом: «В поэзии (Данте) всё есть мера и всё исходит от меры и вращается вокруг неё и ради неё» [11, с. 227]. Вместе с тем Данте у Мандельштама, как и он, новатор в поэзии – «колебатель смысла». В самом деле, в истинной поэзии, по мысли Мандельштама, должно происходить волновое колебание смысла. Вот образная интерпретация смысла, предложенная Мандельштамом: «Любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны» [там же; с. 233]. В качестве примера поэт приводит использование Данте слова «солнце», образующего «семантический цикл», вместе с которым читатель совершает путешествие. Интересно сопоставить образ Солнца у футуристов, символистов и акмеистов. Так, В.В. Маяковский пишет о том, как, «раскинув луч-шаги, шагает Солнце в поле» [14, т. 1, с. 120], а вот А.Е. Кручёных мечтает об окончательной над ним победе (в общем Солнце низвергнуто с пьедестала и разговор с ним идёт на равных), иначе выглядит светило в творчестве символиста К.Д. Бальмонта, использующего

императивные предложения: «Будем, как солнце!». Тоже смело, но, пожалуй, почтительнее, ведь речь идёт, несомненно, о символе. Акмеист О.Э. Мандельштам рисует трагическую картину, связанную с гибелью Иисуса Христа: «У ворот Иерусалима / Солнце чёрное взошло» [12, т. 1, с. 60]. Он пишет о жёлтом солнце, которое может быть страшнее (этот образ отсылает к личным переживаниям: смерти матери). Речь здесь может идти не только и не столько о символе, но и о таких реальных феноменах, как затмение, или погасшее солнце чёрной дыры.

Думается, что применительно к творчеству Мандельштама правомерно также вести речь не только о семантическом, но и о феноменологическом и экзистенциальном поле. Феноменальное поле или «поле поэтической материи» включает в себя зримые в их пространственно-временной телесности аспекты диалога. Это адресация к «читателю в потомстве», далёкому и неизвестному «провиденциальному собеседнику», от которого его отделяет «огромного размера дистанция» и «астрономическое время» (порою даже Вечность, как в случае с Батюшковым). «Экзистенциальное поле» – скрытые мотивы встречи с собеседником. У Мандельштама это «силовой поток», «тяга», «исполнительский порыв» – порыв к говорению – внезапное желание высказаться. Он подкреплён

сознанием собственной правоты и желанием «удивиться своим собственным словам». К числу «экзистенциалов» можно, таким образом, отнести: «исполнительский порыв», желание быть услышанным Другим (ближним и дальним), желание воплотить личностный смысл в форму поэтической материи, тем самым означать свой лингвистический опыт и сделать его доступным для «провиденциального собеседника».

Подведём некоторые итоги. Слово, по Мандельштаму, имеет телесную, материальную, «плотскую» природу и долженствует быть воплощённым. Но воплощённым оно может быть только через своего исполнителя, в идеале поэта, который может реализовать его цельную двупостасную природу как логоса и как эйдоса в их цельном единстве взаимовоплощения. С другой стороны, в человеке как исполнителе заложена потребность в слове как реализации собственной вопрошающей сущности, открытой миру природы, которая может быть выражена и воспринята носителем изначального опыта говорения, выражением которой является лингвистический жест. В свете такого понимания природы смысла и слова *акмеизм* может рассматриваться как диалектический синтез достижений футуризма и символизма на пути к цельному слову.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бальмонт К.Д. Собрание сочинений в двух томах. Т. I. Можайск: Терра, 1994. 324 с.
2. Баратынский Е.А. Стихотворения. М.: Советская Россия. 336 с.
3. Вдовина И.С. Феноменология во Франции. М.: «Канон+», РООИ, «Реабилитация», 2009. 400 с.
4. Гегель. Сочинения. Т. 3. М.: Издательство социально-экономической литературы. 372 с.
5. Дёмина Л.А. Парадигмы смысла: логико-гносеологический анализ: автореф. дисс. ... д. филос. н. М.: МГОУ, 2006. 63 с.

6. Зобнин Ю.В. Н.С. Гумилёв: Pro et Contra. М.: Изд. Русск. Гуманитарного института, 2000. 671 с.
7. Есенин С.А. Стихотворения. Поэмы. Пермское книжное издательство, 1976. 393 с.
8. Кихней Л.Г., Меркель Е.В. «Осип Манделъштам. Философия слова и поэтическая семантика. М.: Флинта, 2013. 200 с.
9. Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение / Сост. А.А. Тахо-Годи; общ. ред. А.А. Тахо-Годи и И.И. Маханькова. Мысль, 1995. 944 с.
10. Малявин В.В. Чжуан-цзы. М.: Наука, 1985. 309 с.
11. Манделъштам О.Э. Избранное. М.: СП Интерпринт, 1991. 480 с.
12. Манделъштам О.Э. Сочинения в 2-х т. Т. 1. Стихотворения и переводы. Тула: Филин, 1994. 383 с.
13. Манделъштам О.Э. Сочинения в 2-х т. Т. 2. Проза. Тула: Филин, 1994. 382 с.
14. Маяковский В.В. Сочинения в 2-х т. Т. 1. М.: Правда, 1988. 768 с.
15. Мерло-Понти В защиту философии. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1996. 248 с.
16. Мерло-Понти. Видимое и невидимое. Мн.: Логвинов, 2006. 400 с.
17. Песоцкий В.А. Содержание и сущность художественной литературы: опыт философского анализа. Серия: Философские науки. Вестник Московского государственного областного университета. 2009. № 1. С. 50–70.
18. Песоцкий В.А. Художественная литература как социальное явление и предмет философского анализа: автореф. дисс. ... д. филос. н. М.: МГОУ, 2009. 48с.
19. Шевцов А.А. Очищение в трёх томах. Организм. Психика. Тело. Сознание. Иваново: Издательское товарищество «Роща Академии», 2012. 856 с.

REFERENCES

1. Bal'mont K.D. Sobranie sochinenii v dvukh tomakh. T. I [Collected works in two volumes. Vol. I]. Mozhaysk, Terra, 1994. 324 p.
2. Baratynskii E.A. Stikhotvoreniya [Poems]. М., Sovetskaya Rossiya. 336 p.
3. Vdovina I.S. Fenomenologiya vo Frantsii [Phenomenology in France]. М., «Kanon+», ROOI, «Reabilitatsiya», 2009. 400 p.
4. Gegel' Sochineniya. T. 3 [Writings. Vol. 3]. М., Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury. 372 p.
5. Demina L.A. Paradigmy smysla: logiko-gnoseologicheskii analiz: avtoref. diss. ... d. filos. n [Paradigms of meaning: logical-gnoseological analysis: abstract. PhD thesis]. М., MGOU, 2006. 63 p.
6. Zobnin YU.V. N.S. Gumilev: Pro et Contra. [N.S. Gumilev: Pro et Contra.]. М., Izd. Russk Gumanitarnogo instituta, 2000. 671 p.
7. Esenin S. A. Stikhotvoreniya. Poemy [Poems. Poems]. Publishing house of Perm, 1976. 393 p.
8. Kikhnei L.G., Merkel' E.V. Osip Mandel'shtam. Filosofiya slova i poeticheskaya semantika [Osip Mandel'stam. The philosophy of words and poetic semantics]. М., Flinta, 2013. 200 p.
9. Losev A.F. Forma – Stil' – Vyrazhenie [Form – Style – Expression]. М., Mysl', 1995. 944 p.
10. Malyavin V.V. CHzhuan-tszy [Chuang Tzu]. М., Nauka, 1985. 309 p.
11. Mandel'shtam O.E. Izbrannoe [Favorites]. М., SP Interprint, 1991. 480 p.
12. Mandel'shtam O.E. Sochineniya v 2-kh t. T. 1. Stikhotvoreniya i perevody [Works in 2 V. V. 1. Poems and translations]. Tula, Filin, 1994. 383 p.
13. Mandel'shtam O.E. Sochineniya v 2-kh t. T. 2. Proza [Works in 2 V. V. 2. Prose]. Tula, Filin, 1994. 382 p.
14. Mayakovskii V. V. Sochineniya v 2-kh t. T. 1 [Works in 2 V. V. 1]. М., Pravda, 1988. 768 p.

15. Merlo-Ponti V zashchitu filosofii [In defense of philosophy]. M., Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury, 1996. 248 p.
16. Merlo-Ponti Vidimoe i nevidimoe [Visible and invisible]. Mn., Logvinov, 2006. 400 p.
17. Pesotskii V.A. Soderzhanie i sushchnost' khudozhestvennoi literatury: opyt filosofskogo analiza. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta [The content and essence of fiction: the experience of philosophical analysis. Bulletin of Moscow state regional University]. Seriya: Filosofskie nauki. 2009. no. 1. S. 50–70.
18. Pesotskii V.A. Khudozhestvennaya literatura kak sotsial'noe yavlenie i predmet filosofskogo analiza: avtoref. diss. ... d. filos. n [Literature as a social phenomenon and a subject of philosophical analysis: PhD thesis abstract]. M., MGOU, 2009. 48 p.
19. Shevtsov A.A. Ochishchenie v trekh tomakh. Organizm. Psikhika. Telo. Soznanie [Purification in three volumes. The organism. Psyche. Body. Consciousness]. Ivanovo, Izdatel'skoe tovarishchestvo «Roshcha Akademii», 2012. 856 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кириллов Герман Михайлович – кандидат философских наук, доцент Пензенского государственного педагогического университета, e-mail: gekir10@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

German Mikhailovich Kirillov – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Penza State Pedagogical University; e-mail: gekir10@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Кириллов Г.М. Опыт интерпретации поэтики Мандельштама в экзистенциально-феноменологической перспективе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 1. С. 57-65. DOI: 10.18384/2310-7227-2016-1-57-65

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

G. Kirillov. AN ATTEMPT OF INTERPRETING MANDELSTAM'S POETICS IN EXISTENTIAL-PHENOMENOLOGICAL PERSPECTIVE // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophy. 2016. № 1. pp. 57-65. DOI: 10.18384/2310-7227-2016-1-57-65